

Елена К.

A fluffy white cartoon creature with large blue eyes and a wide smile, standing on a light blue surface against a light blue background.

**Пушистик и его
друзья**

Елена К.

Пушистик и его друзья

<https://litres.ru/74302502>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь оживают не только звуки, но и чувства: тепло бабушкиного платка, уют вечернего леса, робкая радость от найденного слова. Рядом — мудрый филин, тихий Пушистик, добрая Ася с дневником и Матвей, который заново учится узнавать родной край. А каменная плита у старого вяза становится хранителем памяти: она не кричит, а шепчет, помогая вспомнить то, что казалось потерянным навсегда.

Эта тёплая, волшебная история — о внимательности и заботе, о том, как важно беречь не только вещи, но и слова, из которых складывается наш мир. Для читателей, которые любят сказки с глубоким смыслом, где чудо рождается из тишины и чуткого сердца.

Содержание

Все Главы.	4
Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена К.
Пушистик и его друзья
Все Главы.

Глава 1.

Жили-были в маленькой деревушке на краю дремучего леса старик со старухой. Дом у них был ветхий, но уютный: крыша чуть покосилась, зато на крыльце каждое утро расцветали бархатцы, а в сенях пахло сушёной мятой и тёплым хлебом. Детей у стариков не было, и всю свою нежность они отдавали лесу, что подступал к огороду почти вплотную.

Старик каждый день ходил по тропинкам, слушал, как шепчутся деревья, и собирал в корзинку то гриб, то ягоду, то просто красивый камешек. А старуха сидела на крыльчке и вязала длинные шарфы из пушистой пряжи — говорила, что зима в их краях хитрая, любит подкрадываться незаметно, и надо успеть укутать всё вокруг, пока она не схватила землю ледяными пальцами.

Однажды утром старик вернулся из леса не с грибами, а с крошечным существом, похожим то ли на ёжика, то ли на клубочек мха, только с живыми глазками-бусинками. Существо тихонько дрожало и прижималось к его ладони.

— Что это? — ахнула старуха, откладывая вязание. — Сам не знаю, — ответил старик. — Сидел у старого пня, дрожал и смотрел так, будто весь мир ему чужой. Я не смог пройти мимо.

Они назвали его Пушистик и устроили ему уголок в кор-

зинке, выстланной лоскутками и сухой травой. Пушистик ел ягоды, пил молоко из блюдечка и всё время прислушивался, будто ждал какого-то особого звука.

Прошло несколько дней, и в деревне начали происходить странные вещи. Утром на огородах вместо росы появлялись крошечные серебряные капельки, которые звенели, если до них дотронуться. На деревьях вдруг расцветали цветы, которых никто раньше не видел: лепестки у них были полупрозрачные, будто из тонкого льда, а запах напоминал запах свежего снега и тёплого мёда одновременно.

Жители зашептались: мол, это не к добру, лес пробуждается, а когда лес просыпается, он требует плату. Кто-то предлагал прогнать Пушистика, кто-то — отнести его обратно в чащу, чтобы задобрить древние силы. Но старик и старуха не хотели никого прогонять.

— Он же совсем маленький, — говорила старуха, глядя Пушистика по мягкой спинке. — И он никого не обидел. — Лес не злой, — кивал старик. — Он просто помнит всё, что когда-либо случалось под его кронами. И, может быть, Пушистик — это его память, которая пришла к нам в гости.

В ту же ночь деревню накрыла густая тишина — такая, что даже сверчки замолчали. Из леса потянулся холодный туман, и в нём мелькали тени, похожие на силуэты зверей и людей, давно ушедших из этих мест. Казалось, лес решил напомнить о себе всерьёз.

Пушистик вдруг встрепенулся, выскользнул из корзинки

и побежал к калитке. Старик и старуха переглянулись и поспешили за ним.

У ворот Пушистик остановился, поднял мордочку к небу и издал тихий звук — не то писк, не то песню. Туман вздрогнул, и из него выступила высокая фигура в плаще из листьев. Это был Хранитель леса — древний и мудрый, с глазами, в которых отражались все закаты и рассветы, когда-либо виденные этим краем.

— Ты вернулся, — тихо сказал Хранитель, глядя на Пушистика. — Мы думали, ты потерялся навсегда.

Оказалось, что Пушистик был не простым лесным духом, а маленьким хранителем порога — тем, кто должен стоять между лесом и деревней и следить, чтобы ни одна сторона не забыла о другой. Когда-то давно он испугался людских голосов и убежал, и с тех пор равновесие нарушилось: лес стал слишком диким, а деревня — слишком замкнутой.

Теперь же, когда Пушистик нашёл дом и людей, которые не стали его гнать, равновесие могло восстановиться. Но для этого нужно было, чтобы и деревня приняла его, а не боялась.

Хранитель повернулся к старику и старухе: — Вы не прогнали его. Вы дали ему тепло. Теперь помогите и деревне понять, что не всё, что приходит из леса, несёт беду.

Старик выпрямился и сказал твёрдо: — Мы расскажем им правду. И покажем, что страх — плохой сторож, а доброта — лучший мост.

Наутро вся деревня собралась у калитки. Люди стояли настороженно, сжимая в руках палки и фонари, будто готовились к битве. Но старик вышел вперёд и спокойно рассказал всё: про Пушистика, про Хранителя, про то, как важно не рубить с плеча, когда не знаешь всей истории.

А старуха достала из сундука самый длинный шарф, тот, что вязала всю осень, и накинула его на плечи Пушистика — не для тепла, а как знак: «Ты наш, мы тебя бережём».

И тогда туман рассеялся, тени растворились, а на месте, где стоял Хранитель, расцвёл куст белых колокольчиков — их звон был таким тихим, что его слышали только те, у кого сердце оставалось открытым.

С тех пор Пушистик жил между лесом и деревней. Он бегал по тропинкам, приносил старикам веточки с необычными почками и иногда исчезал на день-другой, чтобы шепнуть что-то деревьям. А деревня перестала бояться леса. Вместо страха люди стали замечать его красоту: как утренний свет ложится на мох, как птицы поют на рассвете, как ветер перебирает листья, будто страницы старой книги.

И если кто-то в деревне начинал снова шептать про «лесные беды», старуха только улыбалась и говорила: — Беда там, где не хотят слушать. А наш лес просто хочет, чтобы его слышали.

Так и жили они дальше: старик, старуха, Пушистик и лес, который больше не требовал платы, потому что наконец-то нашёл тех, кто готов отдавать просто так — добротой, вни-

манием и тёплым шарфом в холодный вечер.

Глава 2.

Прошло лето, и деревня потихоньку привыкла к тому, что у калитки иногда сидит Пушистик и важно нюхает воздух, будто проверяет, не подкралась ли беда. А беда, надо сказать, в тех краях подкрадывалась исключительно по расписанию — обычно в виде дождя в день ярмарки или кота, который утаскивал пирог прямо с подоконника.

Старуха теперь вязала не просто шарфы, а шарфы с узорами: на одном вывязывались крошечные колокольчики, на другом — листья, будто покрытые инеем. Она уверяла, что узор влияет на погоду: шарф с листьями держит тепло, а с колокольчиками — отгоняет дурные сны. Старик только посмеивался, но, когда в доме вдруг становилось тише и уютнее, незаметно поправлял на плечах тот самый шарф с колокольчиками.

А Пушистик между тем обзавёлся привычками. Каждое утро он обходил огород, проверял, не пророс ли где странный цветок, и если находил — тут же тащил его к крыльцу, чтобы показать старухе. Однажды он притащил нечто, похожее на луковицу, только прозрачную, будто из застывшего мёда.

— Это, должно быть, слеза росы, — задумчиво сказала старуха, поворачивая находку на ладони. — Или, может, се-

мечко луны.

Старик хмыкнул: — Если из него вырастет луна, я буду очень удивлён. Но если вырастет пирог — я буду счастлив.

И, как ни странно, из «семечка» действительно выросло нечто съедобное — не пирог, конечно, но очень душистая пряная травка, от которой чай становился таким ароматным, что даже хмурый мельник, заходивший за солью, вдруг улыбался и говорил: «А у вас тут, выходит, и воздух вкуснее».

Но не всё было так безоблачно. В лесу по-прежнему жила древняя сила, и она не любила, когда её забывали. Однажды утром туман пришёл не как обычно — лёгкой дымкой, а плотной стеной, в которой терялись даже знакомые тропинки. Птицы замолчали, а на крышах домов осела серебристая пыль, от которой металл начинал тускнеть, будто старел на глазах.

Пушистик первым заметил неладное. Он вдруг перестал нюхать воздух и замер, подняв уши так высоко, что они стали похожи на два маленьких паруса. Потом он тихо пискнул и метнулся к лесу. Старик и старуха переглянулись и, не тратя времени на споры, поспешили за ним.

В лесу было непривычно тихо. Даже ветер будто затаил дыхание. И тут из тумана выступила знакомая фигура — Хранитель леса. Только теперь он выглядел усталым: плащ из листьев потемнел, а в глазах отражалась не мудрость, а тревога.

— Равновесие снова дрожит, — тихо сказал он. — Кто-

то в дальних деревнях начал рубить старые деревья, не спросив разрешения у земли. Лес чувствует боль и отвечает тем, что умеет: туманом, холодом, забыванием. Если так пойдёт дальше, люди перестанут помнить, где кончается их тропа и начинается чужая тайна.

Пушистик встревоженно забегал вокруг Хранителя, будто пытался собрать рассыпавшиеся слова и сложить их заново.

— Что же делать? — спросил старик. — Мы ведь не можем запретить людям рубить деревья. Да и не знаем мы этих деревень.

Хранитель чуть наклонил голову: — Иногда достаточно напомнить. Не приказом, а чудом. Таким, чтобы сердце дрогнуло, а не рука сжалась в кулак.

Тогда старуха сняла с плеч свой самый длинный шарф — тот, что был связан из трёх цветов пряжи: тёплого коричневого, серебристого и нежно-зелёного. — Вот, — сказала она, протягивая его Хранителю. — Пусть он напомнит, что между лесом и людьми есть связь. Не верёвка, чтобы тянуть, а нить, чтобы держаться.

Хранитель бережно принял шарф, накинул его на плечи, и туман вокруг будто стал светлее. А Пушистик вдруг подпрыгнул и, схватив в лапки крошечный колокольчик, который старуха когда-то пришила ему на ошейник, тихонько звякнул.

И тут случилось волшебство. Из тумана начали появляться маленькие огоньки — не злые, а мягкие, как светлячки.

Они кружились, сплетались в узоры и тянулись в сторону дальних деревень. Казалось, они несли с собой не слова, а чувства: тепло крыльца, запах свежего хлеба, тихий смех ребёнка, скрип половиц в старом доме — всё то, что делает место родным.

На следующее утро туман рассеялся, а в деревне начали происходить странные, но добрые вещи. У мельника вдруг перестала скрипеть мельничное колесо, и мука стала такой белой и лёгкой, что пироги из неё таяли во рту. У кузнеца в кузнице сами собой заблестели старые гвозди — будто кто-то стёр с них годы ржавчины. А на опушке леса, там, где туман был гуще всего, выросли те самые белые колокольчики — их звон был едва слышен, но каждый, кто его слышал, вдруг вспоминал что-то хорошее из детства: мамины руки, запах сена, тихий разговор у костра.

Люди в деревне стали чаще останавливаться, чтобы послушать этот звон, и реже хмуриться на лес. А если кто-то всё же начинал ворчать про «лесные беды», старуха только улыбалась и говорила: — Беда там, где не хотят слушать. А наш лес просто хочет, чтобы его услышали... и, может быть, угостили кусочком пирога.

С тех пор Пушистик стал не просто хранителем порога, а своего рода послом между лесом и деревней. Он приносил старикам весточки от деревьев (обычно в виде шишек с особым узором), а людям — маленькие чудеса: то цветок, который светился в темноте, то камешек, который грел ладонь,

будто в нём спрятано солнце.

Однажды он даже устроил целое представление: собрал на опушке всех лесных жителей — ёжика, белку, старого филина и даже застенчивого зайца — и устроил для деревни «лесной концерт». Белка стучала орехом по пню, филин ухал в такт, ёжик тихонько шуршал сухими листьями, а заяц, хоть и боялся выступать, всё же подпрыгнул так высоко, что все засмеялись. А Пушистик звенел своим колокольчиком, задавая ритм.

Деревня смеялась, хлопала и даже принесла для артистов миску орехов, горсть ягод и кусочек сыра «для самого скромного». И в тот вечер никто не говорил про беды и проклятия. Вместо этого люди рассказывали истории: про то, как в детстве бегали по этим тропинкам, про то, как лес укрывал их от дождя, про то, как бабушка шептала: «С лесом надо говорить тихо, он и так всё слышит».

Так и повелось: лес больше не требовал платы, а деревня перестала бояться его тайн. Вместо страха здесь теперь жили любопытство и уважение. А старик, старуха и Пушистик продолжали свой тихий быт: пили чай с пряной травкой, вязали шарфы, слушали шёпот ветра и знали, что самое большое волшебство — это когда рядом есть те, кто тебя понимает, даже если ты говоришь на языке листьев и колокольчиков.

Глава 3.

Наступила пора Большой осенней ярмарки — той самой, когда вся округа съезжалась в деревню: кто с мёдом, кто с вязаными варежками, кто с корзинами поздних яблок, а кто просто ради того, чтобы посидеть у костра и послушать, как скрипит под ногами сухая листва.

Старик и старуха тоже готовились. Старуха достала из сундука особый платок — с вышитыми по краю крошечными листочками, будто застывшими в полёте. Говорила, что этот платок «для важных разговоров»: если накинуть его на плечи, даже самый упрямый человек начинает слушать чуть внимательнее. Старик тем временем чинил старую тележку, ворчал на скрипучее колесо, но при этом тихонько напевал себе под нос какой-то лесной мотив — такой тихий, что его слышал, наверное, только мох на брёвнах.

А Пушистик волновался больше всех. Он бегал по дому, примерял свой маленький колокольчик то так, то этак, и всё время поглядывал на лес, будто ждал какого-то знака. И знак не заставил себя ждать.

Ближе к полудню из леса вышел не Хранитель, а маленькая лесная гостья — белка по имени Трясохвостка. Она была известна в лесу тем, что вечно всё роняла, теряла и тут же находила снова, да ещё и так громко радовалась находкам,

что даже совы вздрагивали.

— Пушистик! — затараторила она, едва заведя храни-
теля порога. — Там у старого дуба... там такое! Я сначала
подумала, что это просто коряга, а потом пригляделась —
и поняла: это лавочка! Настоящая, только из корней! И на
ней... на ней орехи! Не простые, а с узором, будто кто-то
выцарапал на них крошечные звёзды!

Пушистик тут же наострил уши. Он знал: если Трясо-
хвостка говорит «с узором», значит, дело серьёзное.

— Пойдём посмотрим, — сказал он. — И, может быть,
принесём несколько орехов на ярмарку. Вдруг они кому-то
напомнят что-то хорошее?

Старуха, услышав про «орехи со звёздами», только улыб-
нулась и накинула свой платок для важных разговоров. —
Если лес решил подарить ярмарке чудо, — сказала она, —
надо принять его с благодарностью. Но без спешки. Спешка
— она как сквозняк: всё перепутает.

Они отправились к старому дубу. И правда: у его корней
стояла лавочка, будто сплетённая из толстых корней и вет-
вей. А на ней лежали орехи — ровные, гладкие, и на каждом
— тонкий узор в виде маленькой звезды.

Только Пушистик потянулся к ним, как из-за ствола вы-
глянул филин — тот самый, что участвовал в «лесном кон-
церте». Вид у него был скептический, как всегда.

— Не советую хватать всё подряд, — проворчал он. —
Эти орехи не для еды. Они для воспоминаний. Каждый орех

— как коробочка: внутри прячется одно старое, почти забытое чувство. Кто возьмёт орех, тот вдруг вспомнит то, о чём давно не думал. Может, запах дождя на крыльце. Или мамыны руки. Или как в детстве боялся темноты, а потом понял, что она просто тихая и никого не обижает.

Пушистик замер, не донеся лапку до ореха. — А если кто-то вспомнит что-то грустное? — тихо спросил он.

Филин чуть наклонил голову: — Грусть тоже бывает нужной. Она как дождь: промочит, но потом всё станет чище. Главное — чтобы рядом был кто-то, кто скажет: «Я тут. Ты не один».

Тогда Пушистик придумал. Он собрал несколько орехов, но не в корзинку, а в маленький мешочек из мягкой ткани, который старуха когда-то сшила ему на день рождения. А потом они все вместе — Пушистик, Трясохвостка, филин, старик и старуха — отправились на ярмарку.

На ярмарке было шумно и весело. Пахло печёными яблоками, дымом и тёплым тестом. Люди смеялись, торговались, показывали друг другу свои поделки. И тут появился Пушистик с мешочком.

Он не стал кричать и привлекать внимание. Просто подошёл к первой лавке, где сидела пожилая женщина с корзиной шерстяных ниток, и тихо сказал: — У леса есть подарок. Не для продажи. Просто чтобы кто-то вспомнил что-то важное.

Женщина улыбнулась, взяла один орех и вдруг замерла. А потом тихо сказала: — Я вспомнила... как мама учила меня

прясть. У неё руки были шершавые, но такие тёплые. Я тогда всё роняла и сердилась, а она только смеялась: «Ничего, научишься. Главное — не бросать».

Рядом стоял молодой парень, который всё время хмурился и будто хотел поскорее уйти. Он тоже взял орех. И вдруг его лицо разгладилось. — Я вспомнил, — прошептал он, — как мы с дедом ходили за грибами. Он всё время говорил: «Смотри под ноги, но не забывай смотреть вверх». Я тогда не понимал, а теперь... теперь понимаю.

И так пошло дальше. Каждый, кто брал орех, на мгновение замирал, а потом улыбался или чуть вздыхал — но в этом вздохе не было тяжести, только лёгкое, светлое чувство, будто кто-то тихонько положил руку на плечо и сказал: «Помни, ты не один».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.